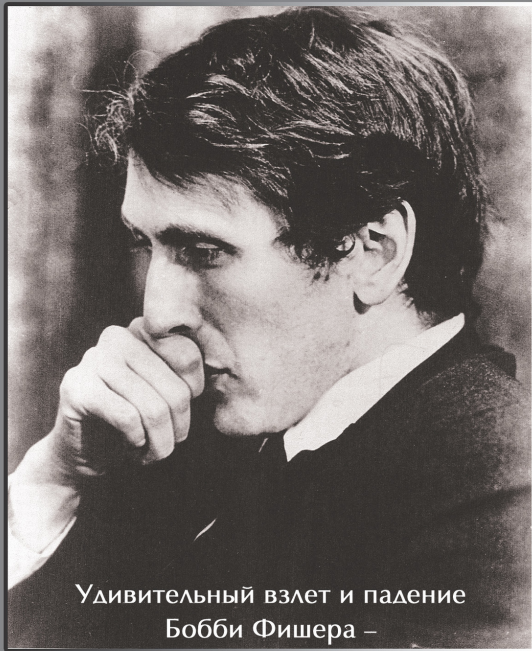

КОНЕЦ ИГРЫ

Биография
Роберта Фишера

Удивительный взлет и падение
Бобби Фишера –

Путь американского гения,
окончившийся у края сумасшествия

Фрэнк Брейди

Фрэнк Брейди Конец игры. Биография Роберта Фишера

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44161323
Фрэнк Брейди *Конец игры. Биография Роберта Фишера:*
ISBN 978-5-906254-25-2

Аннотация

Биография Бобби Фишера, написанная его наиболее авторитетным биографом, десятилетиями следившим за феерическим взлетом и оглушительным падением шахматного гения. Опираясь на семейные архивы семьи Фишеров, недавно рассекреченные документы ФБР и собственные и-мейл'ы Бобби, эта уникальная книга описывает всю жизнь-одиссею шахматного чемпиона из Бруклина, начиная с его небогатого детства и кончая портретами на обложках журналов «Таймс», «Лайф» и «Ньюсуик» – с признанием его «самым знаменитым человеком в мире»... до ошеломившего всех отшельничества. Это наиболее полная, подробно документированная и объективная биография Бобби Фишера от человека, лично и хорошо его знавшего – с детских лет и до смерти. Книга, ставшая бестселлером в США.

Содержание

От автора	5
Глава 1	11
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Фрэнк Брейди

Конец игры

Биография Роберта Фишера

Перевод с английского, оформление Андрей Ельков

© Брейди Ф., 2016

© Издатель Ельков А., 2016

* * *

*Максим,
моему талисману навсегда*

От автора

Как человека, лично знавшего Бобби Фишера с самых его юных лет, меня бесчисленное число раз спрашивали: «Каким был Бобби Фишер на самом деле?» Моя книга – попытка ответить на этот вопрос. Но хочу предупредить тех, кто в данную минуту перелистывает ее страницы: она полна парадоксов. Бобби был скрытным и искренним, щедрым и прижимистым, наивным и хорошо информированным, жестоким и добрым, религиозным и еретическим. Его партии исполнены очарования, красоты и глубокого смысла. Его свирепые высказывания пропитаны жесткостью, предвзятостью и ненавистью. И хотя десятилетиями всю свою энергию и страсть он посвящал одной цели – достижению совершенства в шахматах, он не был умственно отсталым гением (*idiot savant*) шахмат, каким зачастую его рисовала пресса.

Об одной из своих попыток написать историю жизни – а именно, историю Роджера Фрая – Вирджиния Вульф как-то заметила: «[Биография считается полной](#), если она описывает шесть-семь ипостасей героя, но в реальности их у личности могут быть тысячи». Многие линии жизни, и даже их вторые и третьи акты, составляют драму Бобби Фишера, но моя задача состоит лишь в том, чтобы расчертить только *одну*

из целого калейдоскопа персоналий Фишера – гений воителя, раздираемого изнутри – и в рамках этого подхода «схватить» ускользающие черты его личности и принимаемых ею личин. Знаменитый психолог Альфред Бине заметил как-то, что если бы мы могли заглянуть внутрь мозга шахматного игрока, то обнаружили бы там «целый мир чувств, образов, идей, эмоций и страстей». Именно так обстоит дело с Бобби: его голову не просто заполняли шахматные байты, фантомные компьютерные связи на сетке из 64-х полей, – там были поэзия, песня и лиризм.

Прошу извинить за допущения, – они есть в этой книге (хотя их и немного), но поведенческие мотивы Фишера требуют объяснения, иначе их трудно бывает понять; но о такого рода вольностях я обязательно сообщаю читателю. Для оживления экстраординарной жизни Фишера я иногда использую писательские приемы: додумываю обстановку, усиливаю детали, придумываю фрагменты диалогов и пытаюсь приоткрыть внутренний мир героя. Но всегда эти приемы имеют корнями мои исследования и воспоминания об этом человеке. Я хочу, чтобы читатель – играет он в шахматы или нет – почувствовал себя так, будто он сидит рядом с Бобби, на его стороне шахматной доски или у него дома, разделяя радость триумфа, боль поражения и яд его гнева.

Я проследил историю жизни Бобби Фишера с первой нашей встречи – на шахматном турнире, когда он был еще ребенком, а я тинэйджером – и до упокоения в могиле на отда-

ленном и продуваемом холодными ветрами сельском кладбище Исландии. За многие годы мы сыграли сотни партий, обедали в ресторанах Гринвич-виллидж, ездили на турниры, посещали обеды и часами гуляли по улицам Манхеттена. Он на световые годы опередил меня в шахматах, но, несмотря на разделявшую нас пропасть, у нас находились общие интересы. Я знал его семью и много раз говорил о Бобби с его матерью.

Мы с Бобби были друзьями, хотя отношения наши складывались непросто, и, в конечном счете, связи между нами порвались, я был привилегированным *официальным* свидетелем его величия. Будучи директором одного из первых рейтинговых турниров, в котором он играл еще ребенком, я обратил внимание на его упорство. В качестве арбитра на чемпионате США, в котором он одержал историческую «сухую» победу 11-0, я стоял рядом с его столиком и видел его гордость за свое историческое достижение. А в роли арбитра для Бобби, которому запретили посещение Кубы для участия в гаванском международном турнире и он был вынужден играть по телетайпу, я провел многие часы с ним в закрытой комнате в Манхеттенском шахматном клубе, наблюдая за тем, как его глубокую концентрацию постепенно побеждало утомление.

Хотя «Конец игры» включает в себя много эпизодов, коим я был свидетелем или даже в них участвовал, книга ни в коем случае не является мемуарной, – я старался оставаться

по возможности «за кадром». Опираясь на свою исследовательскую работу и изучение документов и писем, ранее не известных, а также сотни интервью, взятые за многие годы у людей, знавших Бобби или смотревших на него под своим углом зрения, я попытался написать историю о том, как он не только изменял себя сам, но и как с помощью таинственной алхимии изменил имидж и статус шахмат в глазах миллионов. И также о том, как Роберт неожиданно осознал, что его жизнь вплетается в Холодную войну.

Главным образом в результате харизмы Бобби и растиражированных печатью особенностей его поведения, выигрыш им звания чемпиона мира создал большой фурор и привлек большее внимание – и признание игры со стороны публики – чем какое-либо другое событие в истории шахмат. Бобби имел непростые отношения со своей феноменальной славой и в итоге стал презирать ее. Именно всепроникающий взор публики привел к тому, что в поздние годы он стал вести уединенную, почти наглухо закрытую для посторонних жизнь.

Работая над книгой, я получил доступ к некоторым документам из архивов КГБ и ФБР, касающимся Бобби и его матери; эти документы послужили не только источником для «озарений», но и позволили получить специальную информацию, приведшую к корректировке некоторых опубликованных версий жизни Бобби (и мою в том числе).

В процессе написания этой книги я напал на автобиогра-

фическое эссе, никогда ранее не публиковавшееся, которое Бобби написал еще, будучи тинэйджером. Оно вполне приблизительно по характеру, но интроспективно, и во многих отношениях представляет собой «историю на фоне истории» его жизни. В частности, из него можно узнать, как он оценивал свой подъем, и как к нему относились различные шахматные организации. Полученная из этого эссе информация помогла мне исправить некоторые бытующие заблуждения. Помимо этого я получил доступ к личным архивам его шахматного ментора Джека Коллинза и матери Бобби – Регины Фишер. Эти бесценные связки писем, фотографии и вырезки стали еще одним важным источником для книги. При чтении письма Бобби к Джеку Коллинзу, написанного десятилетия назад, Бобби словно оживает.

Независимо от того, презирает читатель Бобби или восхищается им – а легко можно сочетать и то и другое, как объяснят эти страницы – я надеюсь, его история покажет, что, несмотря на мятущуюся душу, он был серьезным и великим художником, чьей страстью было – *знать*.

Мы не можем, и, наверное, не должны, прощать Бобби его не вполне нормальные политические и антирелигиозные эскапады, но неправильно из-за этого предавать забвению его блистательные феерии на шахматной доске. По прочтении биографии я предлагаю читателю посмотреть – и изучить – его партии, – правдивое свидетельство тому, кем он был, и что есть его подлинное наследие.

Жил-был мальчик, шахматист, который открыл, что его дар состоял отчасти в ясном внутреннем видении возможных ходов каждой фигуры, как объектов с мерцающими или подвижными разноцветными световыми хвостами. Он видел живую ткань возможных ходов и выбирал из них те, в результате которых ткань становилась крепче, а напряжение самым сильным. Ошибки случались тогда, когда он выбирал не самые крепкие, а самые красивые прочерки света.

Из «Дева в саду», А. С. Байетт

Глава 1

От одиночества к страсти

«Я не могу дышать! Я не могу дышать!», – крики Бобби Фишера заглушались черным капюшоном, плотно натянутым ему на голову. Ему казалось, что он вот-вот задохнется, что смерть совсем рядом. Он яростно дернул головой, пытаясь высвободиться.

Два японских охранника придавили его к полу ярко освещенной камеры, один сидел у него на спине и прижимал его руки к бокам, другой держал за ноги – лилипуты на поверженном Гулливере. Легкие Бобби были сдавлены, и он не мог нормально дышать. Ему казалось, что рука его сломана в только что окончившейся потасовке, рот кровоточил.

– *Значит, так я умру*, – подумал он. – *Узнает ли кто правду о том, как меня убили?*

Во мраке не отпускала одна мысль – неужели просроченный паспорт – причина заключения его в тюрьму. События 13 июля 2004 года развивались стремительно. После трех месяцев пребывания в Японии Бобби собрался лететь на Филиппины. Он прибыл в токийский аэропорт «Нарита» примерно за два часа до вылета. За стойкой регистрации

офицер иммиграционной службы ввел номер его паспорта: Z7792702 – стандартная процедура. Прозвучал негромкий звонок, неторопливо зажглась и замигала красная лампочка. «Пожалуйста, сядьте, мистер Фишер, пока мы не закончим проверку».

Бобби это смутило, но не испугало. Вот уже двенадцать лет он кочевал из страны в страну – Венгрия, Чехословакия, Германия, Филиппины, Япония, Австрия, никогда не имея проблем с таможей и свободно пересекая границы. К загранпаспорту понадобилось добавить дополнительные страницы, поскольку уже не оставалось места для внесения новых записей, но эту проблему он решил в американском посольстве в Берне, Швейцария, еще в ноябре 2003 года.

Мозг точила мысль – правительство США, наконец, его настигло. Он нарушил экономические санкции, наложенные Госдепом на Югославию, сыграв матч с призовым фондом в 5 млн долларов против Бориса Спасского на острове Свети-Стефан, Черногория, в 1992 году. Тогда же был выписан ордер на его арест. В США его ждал суд, и наказание, если признают виновным, составит лет 10 тюрьмы или 250 тыс. долларов штрафа, а может быть, и то и другое вместе. Друг Бобби позвонил в Госдеп в конце 90-х и спросил, может ли тот вернуться в США. «Конечно, может, – последовал невозмутимый ответ, – [но как только самолет приземлится в аэропорту имени Дж. Кеннеди](#), мы его схватим». Как человек без гражданства, Бобби обосновался в Венгрии, и более не слы-

шал ни единого слова от американского правительства. Прошло двенадцать лет и он посчитал, – достаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Он сидел там, где ему указали, но постепенно его охватывал страх. Наконец, офицер иммиграционной службы попросил его следовать за ним. «Но я пропущу самолет». «Мы знаем об этом», – был короткий ответ. Следуя по длинному, узкому и темному коридору в сопровождении нескольких сотрудников службы безопасности, Бобби спросил, в чем, собственно, дело. «Мы просто хотим с вами поговорить», – ответил служащий. «Поговорить о чем?», – настаивал Бобби. «Просто поговорить», – повторил служащий. Бобби остановился, отказываясь идти дальше. Позвали переводчика, дабы избежать скандала. Бобби говорил с ним по-испански и по-английски. А секьюрити всё прибывали, и теперь уже около 15-ти человек в мрачном молчании окружали бывшего чемпиона мира по шахматам.

Появился еще один официальный представитель, который предъявил Бобби ордер на арест, в котором говорилось, что он путешествует с недействительным паспортом, за что его подвергают аресту. Бобби возражал, что с его паспортом всё в порядке, и до истечения срока действия еще два с половиной года. «Позвоните в посольство США, чтобы они подтвердили ваши слова», – был ответ. Бобби потряс головой. «Посольство США – проблема, а не решение», – пробормотал он. Бобби боялся, что у представителя посольства США

– если он приедет в аэропорт – на руках будет ордер на его арест и требование на экстрадицию в США для суда над ним. Он хотел позвонить одному из своих японских шахматных друзей, но в доступе к телефону ему отказали.

Бобби развернулся и пошел куда-то в сторону, – путь преградил охранник. Другой охранник попытался надеть на него наручники. Бобби извивался, как мог, стараясь этому помешать. Несколько охранников принялись бить его дубинками, кто-то начал дубасить его кулаками. Он наносил ответные удары – руками, ногами, затем закричал, ухитрился одного охранника укусить за руку. Наконец, его повалили. Полдюжина охранников подняли его и понесли, держа за руки и ноги. Бобби всеми силами пытался вырваться из цепких рук, тащивших его в неизвестном направлении. Он яростно лягался, и ему почти удалось освободить руки. В этот момент на голову ему натянули черный капюшон.

Но если с его паспортом всё в порядке, тогда – что происходит? Высказывания Бобби на еврейскую тему и по поводу преступлений США вызвали сильную реакцию, но разве американские граждане не находятся под защитой Первой поправки¹? Какая взаимосвязь, в конце концов, между его мнением и его паспортом?

Может быть, налоги. Со времени неудачного иска Бобби в 1976 году против журнала «Лайф» и одного из его ав-

¹ Первая поправка Конституции США, гарантирующая, в частности, свободу слова. (Здесь и далее – прим. ред.)

торов по поводу нарушения условий контракта, он настолько разочаровался в судебной системе, что отказался платить какие-либо налоги.

Хватая ртом воздух, Бобби попытался войти в состояние Дзен, чтобы очистить свой разум. Он перестал сопротивляться, и его тело расслабилось. Охранники заметили перемену. Они освободили ему руки и ноги, остановились, церемонно сняли капюшон, а затем покинули камеру, – забрав с собой его ботинки, ремень, бумажник и... к особому огорчению Бобби – футляр из буйволовой кожи для паспорта, купленный им много лет назад в Вене. Но он был жив... по крайней мере, пока.

Подняв глаза, он увидел неизвестного мужчину с видеокамерой, снимавшего происходящее сквозь прутья решетки. Через несколько минут он исчез. Бобби выплюнул обломок зуба, отбитого либо одним из ударов, либо в момент, когда его бросили на пол, и спрятал его в карман.

Лежа на холодном цементном полу, он чувствовал, как в руке его пульсировала боль. Каким будет следующий ход, и кто его сделает? Бобби накрыл сон.

За 48 лет до этого, август 1956 года

Представляя свою белую пешку стоящей на две клетки впереди короля на воображаемой шахматной доске, 13-летний Бобби Фишер объявил свой первый ход противнику, Джеку Коллинзу: «Пешка на четвертое поле от короля». Боб-

би использовал описательную нотацию, при которой о перемещении фигуры на конкретное поле нужно «рассказать». Произнося эти слова, он сделал легкое, почти незаметное движение головой, едва уловимый кивок, словно толкающий невидимую пешку вперед.

Коллинза, уменьшенную копию взрослого человека – задержавшиеся в развитии ноги не позволяли ему ходить – катил в инвалидной коляске по полной народа улице Нью-Йорка темнокожий слуга по имени Оделл. Он был настолько силен, что во времена, когда не знали еще вспомогательных наклонных пандусов, мог поднять Коллинза вместе с коляской и занести их обоих по лестнице в ресторан или домой. Оделл редко говорил, но был дружелюбен и предан Коллинзу душой и телом, и с тех пор, как познакомился с Бобби, проникся и к нему глубокой симпатией.

Рядом с Коллинзом шагала его младшая сестра Этель, упитанная, но очень милая дипломированная медсестра, почти всегда сопровождавшая брата. Она обожала его и отказалась от всего – даже от женитьбы – чтобы заботиться о нем. Хотя Джек и Этель лишь этим летом познакомились с Бобби, вскоре они едва ли не заменяли ему родителей.

Феллиниевский квартет говорил на таинственном языке с упоминанием людей, обладающих титулами времен феодализма и живших века назад. Прохожие, пока они шли по Бруклину от Ленокс-роуд и Бедфорд-авеню до иногда шумноватой Флэтбуш-авеню, обращали на них внимание. Но их

это не смущало, они жили в своем мире, в котором объединялись континенты и тысячелетия, населенном королями и придворными, раджами и принцами. Пунктом назначения для них являлся китайский ресторан «Серебряная луна».

«Пешка на четвертое поле от ферзевого слона», – ответил Коллинз *basso profundo*, очень низким басом, слышимом и на другой стороне улицы.

Как профессиональный музыкант может читать ноты с листа и слышать музыку в голове, так шахматный мастер с хорошей памятью способен читать запись партии и видеть ее «глазом разума». У композитора Антонио Сальери выступили слезы радости, когда он прочел часть моцартовской партитуры еще до исполнения произведения. Таким же образом на некоторых шахматистов может эмоционально подействовать переигрывание в уме блестящей партии великого маэстро.

Фишер не только визуализировал партию без доски, фигур и печатного бланка; он составлял ее, монтируя кинофильм в своем уме. Двигаясь неспешно по Флэтбуш-авеню, Бобби с Коллинзом играли «вслепую» – формат игры, практикуемый уже веками. Существуют свидетельства, датируемые 800-ми годами нашей эры, о том, что кочевые арабы играли без доски и фигур в игру, похожую на шахматы, передвигаясь по пустыне на верблюдах. У многих любителей шахмат – и, тем более, у тех, кто не знает их правил – вид двух играющих без доски способен вызвать изумление. Уди-

вительные подвиги памяти могут показаться мистическими.

Коллинз более чем хорошо знал шахматную стратегию. Он являлся соавтором последней на тот момент редакции своего рода библии для шахматистов «Современные шахматные дебюты», в которой содержались тысячи вариантов, позиций, анализов и рекомендаций. Бобби, ставший учеником Коллинза, уже несколько лет изучал партии прошлого и настоящего, и теперь погружался в его библиотеку, содержащую сотни книг и журналов.

Было сыро, вот-вот мог зарядить дождь. В начале того года Фишер победил в юниорском чемпионате США, проведенном в Филадельфии, а сейчас он только что вернулся из Оклахома-сити с открытого чемпионата США, став самым юным игроком, когда-либо принимавшим в нем участие. Коллинз побеждал в чемпионате штата Нью-Йорк, он был ветераном и известным учителем шахмат. Ему было 44 года.

Странная пара продолжала свою невидимую партию. Бобби руководил в уме белыми фигурами, Коллинз – черными. Борьба шла как на качелях, каждый выступал то в роли хищника, то дичи.

Бобби до поры до времени был ниже среднего роста для своего возраста, и сейчас рост его составлял 5 футов и 4 дюйма. Но он начинал вытягиваться и одежда ему уже явно становилась мала. К 18-ти годам его рост достиг 6 футов и двух дюймов. У него были карие глаза и... улыбка во все зубы с

небольшой щелью между двумя передними, улыбка счастливого ребенка, желающего, чтобы его любили или, по меньшей мере, не бранили по пустякам. Этим вечером на нем была рубашка поло, коричневые вельветовые слаксы – несмотря на август – и поношенные черно-белые 5-долларовые кеды. Говорил он слегка в нос, вероятно, ему требовалось удалить миндалины и аденоиды. Его волосы были подстрижены под ёжик, словно однажды мать Регина или сестра Джоан подрезали их коротко и с тех пор расческа их не касалась. Бобби походил больше на мальчика с фермы из Канзаса, чем с улиц Бруклина.

Обычно он шел впереди Коллинза и остальных на несколько шагов, испытывая желание идти быстрее, но сдерживаемый необходимостью объявлять ходы или получать ответы учителя. Бобби всегда делал ответный ход молниеносно, реакция рождалась где-то глубоко в подсознании – он словно видел слонов, несущихся по диагоналям, коней, скачущих через фигуры и пешки, ладей, занимающих критические поля. Иногда он расщеплял свою умственную гимнастику, отодвигая в сторону воображаемую доску для того, чтобы схватить сказочную битку и послать незримый мяч на левые трибуны стадиона «Эббетс Филд». Даже сильнее, чем чемпионом мира по шахматам, Бобби Фишер хотел быть Дьюком Снайдером, игроком-легендой бейсбольной команды «Бруклин Доджерс».

Удивительно, что Фишер уже в 13 лет легко и сильно иг-

рал вслепую. Многие опытные шахматисты на такое не способны. Но дело вовсе было не в том, что мальчик *предпочитал* играть, не глядя на доску; просто он хотел посвящать шахматам всё свое свободное время, и двадцатиминутная прогулка от дома Коллинза до китайского ресторана была слишком долгой, чтобы оставаться без шахмат. И он как будто не замечал ни шума транспорта, ни какофонии музыки и голосов, наполнявших авеню.

В своем юном возрасте Бобби успел сыграть тысячи партий, многие из них в формате, называемом «рапид» или «блиц». Вместо обычных для «турнирных» партий двух часов, блиц-партии зачастую заканчивались за десять минут; противники получали по пять минут на партию, – или того меньше, если требовались испытания покруче. Иногда даже применяется правило, согласно которому каждый ход должен быть сделан в одну секунду. Размышлять, по существу, некогда, нет времени на внутренние диалоги типа: *Если я поставлю слона на это поле, а он отведет своего коня сюда, тогда, может быть, я переведу ферзя сюда – нет, это не годится! Тогда он заберет мою пешку. Лучше я сделаю вот что...* Годы, проведенные Бобби за игрой блиц, научили его быстро схватывать связи фигур на доске.

Двигаясь по Бруклин-стрит, Фишер и Коллинз обменивались понимающими взглядами, словно вовлеченные в тайный ритуал. По мере приближения к ресторану усиливалось желание успеть завершить партию, но времени осталось

недостаточно. У самых дверей ресторана выяснилось, что в партии сделано около 25 ходов, и Коллинз предложил Бобби ничью. Хотя это был жест вежливости, Бобби испытал неудовольствие, почти оскорбление. Для него ничья была равносильна поражению, и свою позицию он расценивал, как более выгодную. Он хотел сражаться. Тем не менее, из уважения к своему учителю Бобби неохотно согласился. Он почти пропел в ответ: «О'кэ-э-эй». И сразу же переключился на то, что его ждало впереди: любимые блюда китайской кухни *Egg Drop Soup*, *Chicken Chop Suey*, фисташковое мороженое и, разумеется, большой стакан молока.

Регина Вендер Фишер, мать Бобби, родилась в Швейцарии и переехала в США вместе с семьей, когда ей было два года. Лет в 16–17, уже окончив колледж, она отправилась в Германию навестить брата, служившего там моряком ВМС США. В Берлине ее нанял американский генетик Херманн Дж. Мюллер (впоследствии ставший нобелевским лауреатом в области физиологии) в качестве секретарши и гувернантки для своего ребенка. Мюллер и Регина познакомились в берлинском университете, где она посещала курсы. Они уважали друг друга: она восхищалась его блестящим умом и гуманистическими воззрениями, он ценил ее за то, что она знала немецкий язык, умела стенографировать и быстро печатала. Она была достаточно сообразительна, чтобы понимать и аккуратно печатать на машинке его сложные размышления по

вопросам химии и генетики. Мюллер советовал ей изучать медицину и хотел, чтобы она последовала за ним в Россию – он получил предложения на ведение исследовательской работы как в Москве, так и в Ленинграде, – в итоге она поддерживала с ним связь на протяжении более чем пятидесяти лет. Она была студенткой [Первого московского медицинского института](#) с 1933 по 1938 год.

Был и еще один человек, коллега Мюллера, который также отправился в Россию. Этот коллега-биофизик, известный как Ганс Герхард Фишер, но взявший эти имя и фамилию вместо Ляйбшер, настоящей, но звучащей слишком по-еврейски для Германии, где набирал силу антисемитизм. Фишер получил пост в московском институте мозга, и в ноябре 1933 года он и Регина, которой было на ту пору двадцать лет, влюбились друг в друга и поженились в Москве. А через несколько лет у них родилась дочь Джоан. Молодая пара быстро поняла, что при антисемитизме, буйно расцветшем и в сталинском СССР, они и их ребенок находятся в опасном положении. Хотя Регина провела шесть лет, изучая медицину, она бросила институт до получения диплома врача, и, забрав с собой ребенка, отправилась в Париж, где и обосновалась, работая учителем английского языка.

Она и Ганс Герхард разошлись еще прежде, чем оставили Москву, хотя и оставались формально мужем и женой. Когда вторжение Германии во Францию стало вполне вероятным, Регина, сохранившая американское гражданство, су-

мела забрать Джоан с собой в США, но Ганс Герхард, перебравшийся в Париж, чтобы быть поближе к дочери, был немцем, а потому ему отказали во въезде в США. Ввиду полной неопределенности своих перспектив, он покинул Европу и, в конечном счете, осел в Чили. Регина оформила с ним развод в 1945 году по причине неоказания им материальной помощи, когда она жила в Москве, штат Айдахо. Совпадение названий города женитьбы и развода (оба события произошли в разных городах, но с одним названием Москва) оказалось достаточно ироничным, чтобы найти свое отражение в заголовках местных газет.

Регина Фишер в начале 1940-х годов нигде долго не задерживалась, они с Джоан перебирались с места на место, пока США боролись с последствиями Депрессии на фоне вступления страны во Вторую мировую войну. Они жили едва ли чуть выше черты бедности. В июне 1942 года Регина забеременела вторым ребенком – Бобби – и отправила Джоан в Сент-Луис к своему отцу Якобу Вендеру на время подготовки к родам. Когда 9 марта 1943 года в чикагской больнице «Майкл Риз» родился Бобби, Регина была бездомной. Она назвала новорожденного Робертом Джеймсом Фишером, и Ганс Герхард был записан отцом в свидетельстве о рождении, несмотря на тот факт, что он никогда не пересекал границу Соединенных Штатов. После недели, проведенной в больнице, Регина с малышом перебралась в «Sarah Hackett Memorial House», – хоспис для одиноких матерей, у которых

недостаточно средств для содержания себя или своих детей. Оттуда она позвонила отцу и попросила привезти Джоан в Чикаго, но хоспис не захотел давать приют взрослому ребенку. Когда Регина отказалась выезжать, ее арестовал офицер чикагской полиции за нарушение спокойствия, и ей, Бобби и Джоан пришлось покинуть хоспис. Она отказалась от суда присяжных, ей была назначена психиатрическая экспертиза и судья признал ее невиновной. Весьма необычный отчет психиатра гласил, что она «личность с гонором (параноидальная), ворчливо-недовольная, но не психотическая». Она сразу получила работу машинистки в компании «Монтгомери Уорд» и поселилась в недорогой однокомнатной квартире на Саут-сайд в Чикаго – 2840, Саут-Лейк Парк-авеню, – таков адрес Бобби Фишера в первые недели его жизни.

Как мать-одиночка Регина, поднимая своих детей, обращалась за деньгами в еврейские благотворительные фонды и другие социальные институты, к своему отцу Якобу Вендеру, и вообще ко всем, кто, как ей казалось, мог хоть чем-нибудь помочь. Деньги поступали, но их всегда не хватало, и приходили они с проволочками. Всегда в борьбе с финансовыми трудностями, не получая помощи от мужа, Регина в военные годы бралась за любую работу. Одно из первых воспоминаний Бобби из времен, когда он еще только учился ходить, было о жизни в трейлере «к западу». «К западу» могло означать Калифорнию, Айдахо, Орегон, Иллинойс или Аризону. Семья жила во всех этих местах, прежде чем обосноваться в

Нью-Йорке. Умение Регины приспосабливаться к любым обстоятельствам в сочетании с отчаянием привело к тому, что она перепробовала массу профессий. Она была сварщицей, школьной учительницей, клепальщицей, рабочей на ферме, помощником токсиколога и стенографисткой – всё это в начале и середине 1940-х годов.

Шестилетний Бобби склонился в раздумье над лабиринтом. Прошло несколько секунд, он поднял огрызок желтого карандаша и начал чертить путь к королеве, заключенной в клетку замка в центре пазла. Для ее спасения рыцарю с копьем нужно найти правильную исходную точку, откуда он может устремиться к королеве, дабы вывести ее на свободу, не пересекая при этом ни одной черты. Сначала Бобби вошел в лабиринт в верхнем правом углу. Торопливо пробивая дорогу по узким проходам, кружкам, обходным путям и через барьеры, он очутился в тупике, потерпев поражение.

Он быстро стер ложный путь, отложил в сторону карандаш и, наново изучив головоломку, решил начать свой поход с другого угла. Его глаза пробежали по остальным возможным точкам старта – в левом верхнем углу, нижнем левом и правом нижнем – и затем методом от обратного проследил дорогу от принцессы к рыцарю. И, через несколько минут он обнаружил, что есть один и только один путь, ведущий к девушке – и начинался он из нижнего левого угла. Поняв алгоритм лабиринта, Бобби снова взял карандаш, и, разрубая

гордиев узел, завершил решение задачи.

«Расколоть» другую задачу, в которой требовалось найти сокровище, спрятанное в более запутанном и трудном лабиринте, поначалу ему не удавалось, он хотел найти решение «в лоб», без предварительного обдумывания. Отбросив в расстройстве карандаш, Бобби взял коричневый мелок и задумался. Вскоре ответ стал ясен, и ему стало досадно, что он не увидел решение сразу. «Посмотри, Джоани!», – с гордостью показал решение своей 11-летней сестре. Она одобрительно кивнула.

Некоторое время Бобби интересовался игрой *Parcheesi*. Ему нравилось проводить своих тигра и слона через заграждения противника, но он выходил из себя, если выброшенная кость приводила к тому, что он попадал в ловушку и его отправляли на «Старт». С другими настольными играми, такими как «Трудно?» и «Извини!», также не всё было гладко: если простое невезение рушило его планы, он сердился и бросал игру. В конечном счете, он отказался от всех тех игр, где многое зависело от везения.

Чтобы как-то занять непоседу-Бобби – по сегодняшней терминологии его можно назвать гиперактивным – Регина покупала ему книги: «50 веселых загадок в картинках для мальчиков и девочек», «Карандашные паззлы: заточи карандаш, и заточи свои мозги», в которых содержались лабиринты, рисованные паззлы и игры в слова. Бобби всегда начинал с лабиринтов. Позднее ему стали нравиться японские

паззлы на составление, пространственные деревянные паззлы в форме автомобилей или животных. Он разбирал их на 15 и более частей, раскладывал случайным образом на столе или полу, а затем старался как можно быстрее заново собрать. Скорость была важна для него, как и при решении тайн, скрывавшихся в паззлах.

В начале 1949 года Регина Фишер – вместе с Джоан и Бобби – переехала в Манхеттен на восток 13-й улицы, где она сняла самую дешевую квартиру, которую только сумела найти, выходящую на заднюю дверь кухни знаменитого ресторана «У Люхова», где иногда обедали сильные шахматисты. Ржавая пожарная лестница загораживала вход в квартирку, в ней была только одна небольшая спальня, но зато арендная плата составляла всего 45 долларов в месяц.

Ниже по той же улице располагался магазинчик того типа, которые в Нью-Йорк-сити называют «sandy store» – кондитерская. В нем продавали газеты, журналы, игрушки, игры, мороженое, булочки и, разумеется, сладости. В марте 1949 года, в дождливый шестой день рождения Бобби, его сестра Джоан, искавшая какую бы еще игру купить для непоседливого брата, купила в этой «кондитерской» набор пластмассовых шахматных фигур за 1 доллар. Полые фигурки имели высоту не более дюйма, а к набору прилагалась складная картонная шахматная доска с красными и белыми клетками. Ни Джоан, ни Бобби до этого никогда не видели шахмат, но

на внутренней стороне крышки коробки были напечатаны правила, которыми они и воспользовались, причем Джоан, выступая в качестве инструктора, сама их впервые прочитала. После предисловия, в котором рассказывалось, как называется каждая из фигур, следовали описания сложных правил, согласно которым эти фигуры перемещались по доске: «Ферзь двигается в любом направлении на любое расстояние, конь ходит буквой *L* и может перепрыгивать через другие фигуры и пешки», – и т. д. Добавлено было еще несколько самых простых указаний, – что белые начинают игру, и цель ее – заматовать, но не забрать, короля.

«Никто из наших знакомых не играл в шахматы, и мы не видели никого, кто бы в них играл», – позднее напишет Фишер. Нельзя сказать с уверенностью, действительно ли Фишер выиграл первую партию своей жизни, но вполне вероятно, что так оно и было, если вспомнить его увлеченность решением головоломок и тот факт, что первым соперником для него стала сестра, не испытывавшая влечения к шахматам. «Поначалу это была просто еще одна игра, – вспоминал Фишер, – только чуть более сложная». Джоан, занятая подготовкой домашних заданий – она была прилежной ученицей – быстро потеряла к шахматам интерес, да у нее и не оставалось на них времени. И Бобби обучил ходам мать. Позднее он вспоминал: «Она была слишком занята, чтобы играть всерьез. Например, она могла чистить картошку и штопать одежду, играя со мной, что, конечно, меня сильно раздража-

ло. Обыграв ее, я переворачивал доску и уже другими фигурами обыгрывал ее еще раз. Это нам обоим надоело, и я стал искать кого-нибудь, с кем можно было бы играть всё время».

Тот факт, что шестилетний Бобби обыгрывал 36-летнюю Регину и 11-летнюю Джоан, как бы «блестяще» они ни играли, дает нам представление о той скорости, с какой росло его понимание шахмат, и самого себя. Победы придавали мальчику уверенность в своих силах и повышали самооценку. Проблема заключалась в том, что ни мать, ни сестра никогда по-настоящему не хотели с ним играть. [«У моей матери шахматный анти-талант»](#), – сообщил Бобби одному интервьюеру. – Она безнадежна».

Поскольку достойного партнера – да, и вообще, *любого* – не находилось, Бобби сделал своим главным противником себя. Расставив фигуры на маленькой доске, он играл партию за партией, сначала деля ход за белых, затем, повернув доску, за черных, при этом фигурки часто падали на пол. Он подбирал их, быстро ставил на место и делал ход. Перехитрить самого себя не так просто. Черные, например, знают, что задумали белые, и наоборот, когда за черных играл Фишер, белые знали их планы. Смысл такой игре Бобби мог придать только, если он изучал позицию заново на каждом ходу, словно играя против реального соперника. Он «забывал» о задуманном только что плане, [стараясь обнаружить ловушку или найти слабое место в лагере «противника»](#), чтобы сделать правильный ход. Некоторым такая игра может по-

казаться упрощенной, одурачивающей и даже шизофреничной. Но она давала Бобби ощущение доски, ходов, роли фигур и всей «хореографии» шахматного действия. «В конечном счете, я ставил мат парню напротив», – усмехался он годы спустя, рассказывая об этих баталиях.

Осенью 1950 года Регина вывезла семью из Манхеттена и перевезла ее через мост в Бруклин, где она сняла недорогую квартиру недалеко от пересечения улиц Юнион и Франклин. Но жилье предполагалось временным: Регина хотела жить ближе к более уважаемым районам. Не получив медицинской степени в России из-за войны, она была полна решимости стать дипломированной медсестрой. Как только ее внесли в списки Школы медсестер на Проспект-Хайтс, странствующая семья Фишеров, граждане из ниоткуда, снова снялась с места – десятый переезд за шесть лет, – чтобы перебраться в двухкомнатную квартиру (52 доллара в месяц) по адресу 560, Линкольн-плейс в Бруклине. Никогда не робеющая, когда дело касалось нужной ей и детям помощи, Регина рекрутировала соседей в помощь по перевозке скудных пожитков – ящик за ящиком – через Истерн Паркуэй в новое и, как она надеялась, более постоянное, чем прежние, жилище. Хотя новая квартира находилась на четвертом этаже, куда приходилось подниматься пешком по лестнице, близость к школе медсестер позволяла Регине не упускать детей из вида во время учебы. У Бобби и Джоан были свои комнаты, а

Регина спала в гостиной на том, что называлось дневной постелью. Соседи здесь тоже были поприятнее. Район Флэтбуш населяли принадлежавшие среднему классу евреи, его начали заселять и другие национальные меньшинства, а совсем недалеко – пешком дойти – располагались Проспект-парк и Ботанические сады, а также одна из лучших городских библиотек на Гранд-Арми-Плаза.

Бобби, которому исполнилось семь лет, ненавидел новое место. Когда дождь или холод не давали выйти на улицу, он не мог найти место для игры в здании, но даже и в хорошую погоду Регина неохотно позволяла сыну играть на улице без присмотра. Иногда Бобби в компании с мальчиком, жившем в этом же доме, начинал носиться вверх-вниз по лестничным пролетам и площадкам, играя в салки, но это надоело домовладельцу настолько, что был наложен запрет – и управляющий персонал оформил его в письменной форме – на любой вид шумной активности. Бобби нравилось забираться на свою кровать, а затем спрыгивать с нее, чтобы посмотреть, насколько далеко он может улететь. Он улетал всё дальше и дальше, делая отметки своих рекордов. Жители снизу пожаловались на стуки у себя над головой, и прыжки кровать-пол также были объявлены вне закона. Когда Бобби подросток, то начал делать ритмическую гимнастику, но и это ему запретили. Годы спустя Бобби так рассказывал об этом: «Если меня спросить, кому я обязан своим интересом к шахматам, могу ответить – домохозяину».

Бобби с трудом переносил необходимость подчиняться – всякий раз, когда мать была на учебе или работе – заботам Джоан, которая была старше его на пять лет. Регина постоянно была в действии, работая стенографисткой в дни, свободные от учебы. Когда не было работы, она получила пособие для безработных – 22 доллара в неделю. Она также активно участвовала в политической жизни, но всегда заботилась о том, чтобы у малыша Бобби была еда и чтобы кто-нибудь – Джоан, соседи, друзья – присматривал за ним в ее отсутствие.

Регина понимала, что ее сын интеллектуально одарен, но поначалу не считала его «вундеркиндом». Да, он соображал иногда даже быстрее, чем она; мгновенно распознавал шаблоны и видел аналогии, что помогало ему сразу делать верные умозаключения. Если он видел, что банк закрыт из-за выходного дня на одной улице, то и банк на другой улице тоже, по его мысли, будет закрыт.

Проблема с Бобби носила социальный характер: с раннего возраста он подчинялся собственным ритмам, находившимся в противофазе с развитием других детей. И еще – его отличало удивительное упрямство. Он мог перейти на крик, если не получал желаемое – касалось это еды, которая ему нравилась или нет, времени укладываться спать (он любил ложиться поздно), идти ему гулять или оставаться дома. Поначалу Регина с ним справлялась, но когда Бобби исполнилось 6 лет, он стал диктовать свои условия во всем, что его

касалось. Бобби хотел делать только то, что нравилось *ему*, – и самому решать, когда, где и как.

«В семь лет, – рассказывала Джоан в интервью, – Бобби мог рассуждать о таких понятиях, как бесконечность, решать разные математические головоломки, но попроси его умножить два на два, и вы могли получить неправильный ответ». Хотя это и было, понятно, некоторым преувеличением, ясно, что Бобби ненавидел запоминать вещи, которые его не интересовали, и таблица умножения попадала в эту категорию. Рассказ о том, что он понимал теорию чисел и концепцию простых чисел, их бесконечное количество, и не был способен при этом выполнить простейшее умножение, сродни мифу о том, что Эйнштейн не был способен посчитать налоги, которые ему нужно было заплатить.

Регина посетила несколько консультационных центров и агентств для одаренных детей, – одна, или с Бобби «на буксире», надеясь получить советы о том, как ей наладить учебу сына в школе и подружить его с другими детьми. Первостепенную важность она придавала образованию. Она видела, что Джоан дома получала интеллектуальную подпитку, но ее старания привить креативный фермент Бобби ничего не давали. Он мало интересовался стопками книг, которые Регина, страстный читатель, всегда имела дома. Она была выпускницей колледжа, почти доктором, но без степени, бывшей учительницей и вечной студенткой, а квартира служила местом собраний для интеллигенции, с которой она

встречалась в школе или различных политических кружках. По вечерам и в выходные за кухонным столом разгорались жаркие дискуссии – иногда с друзьями, чаще – с еврейскими интеллектуалами. Разговоры вращались вокруг политики, отвлеченных идей и культурных вопросов. Обсуждали Палестину и Израиль, возможность прихода Эйзенхауэра к власти. Когда в течение месяца два великих педагога, Мария Монтессори² и Джон Дьюи³, умерли, спорили об умении писать и быстро читать, и насколько это полезно для детей. Бобби и Джоан присутствовали при этих спорах, и хотя Бобби впитывал какую-то информацию, участия в них он никогда не принимал. Много позже он обмолвился, что всегда «ненавидел» беседы такого рода.

С шести лет и до двенадцати Бобби проводил почти каждое лето в лагере где-нибудь поблизости от Нью-Йорка. В первое или второе лето в лагере в местечке Пачоуг, Лонг-Айленд, ему попала книга с прокомментированными шахматными партиями. Когда лет пятнадцать спустя его попросили вспомнить название книги, он ответил, что, *вероятно*, это были «Избранные партии Тарраша». Он назвал Зигберта Тарраша, немецкого шахматиста, «одним из величайших маэстро всех времен». Но как бы она ни называлась, глав-

² Мария Монтессори, врач, известный педагог, создатель своей системы дошкольного воспитания.

³ Джон Дьюи – американский философ и педагог.

ное – Бобби научился разыгрывать партии, записанные ход за ходом с помощью описательной нотации (например, ход 1. e2-e4 в ней записывается «пешка идет на четвертое поле от короля»).

В лагере скучать не приходилось, Бобби ездил на лошади по кличке «Чаб», играл с пегим теленком, иногда в софтбол и плавал на лодке на уроке «искусства-и-ремесла», но всё еще плохо контактировал с другими детьми. Через месяц, воспользовавшись одной из открыток с заранее написанным адресом и наклеенной маркой, которыми его снабдила Регина, он отправил жалостное послание большими печатными буквами: МАМА, Я ХОЧУ ДОМОЙ.

На некоторое время Бобби забыл о шахматах. В доме появились другие игры и паззлы, и шахматный комплект, в котором не хватало нескольких пешек, был запрятан в шкаф. Но где-то через год Бобби вспомнил о них. Зимой 1950 года, когда ему было семь лет, он попросил Регину купить ему на Рождество новый комплект, побольше. Она купила ему небольшой и легкий комплект в нелакированной деревянной коробке со скользящей крышкой. Но хотя Бобби тотчас открыл подарок, он не касался шахмат почти месяц – ему не с кем было играть.

Он часто оставался один. Когда возвращался из школы, дома никого не было. Днем Регина работала, нередко и вечерами, сестра же до вечера оставалась в школе. Хотя жизнь сына заботила Регину, нужно признать, что Бобби был ти-

пичным «ребенком с ключом на шее», который жаждал, но не получал материнского присутствия, способного дать ощущение защищенности. Более того, финансовые трудности заставляли семью так часто переезжать с места на место, что у Бобби не успевало развиваться чувство «оседлости». И рядом не было отца.

Регина старалась его ободрять, – это нужно каждому ребенку, дать ему крылья, чтобы он нашел себя, поощряя его занятия спортом, привлекая к семейным экскурсиям. Она хотела, чтобы он нормально учился. Но время шло, а Бобби только глубже уходил в себя, перечитывая шахматные книги и переигрывая партии прошлого. Шахматы каким-то образом делали его одиночество и неуверенность менее болезненными.

Регина считала, что она может научиться всему и добиться совершенства во всем, за исключением, быть может, шахмат, и что ее дети обладали способностью овладеть чем угодно. Все социальные работники, с которыми она делилась своими проблемами, советовали ей отдать Бобби в небольшую частную школу, где бы он получал больше внимания и мог развиваться в соответствии с собственным темпераментом. Но деньги всегда были проблемой, где их взять на платную школу. Она не получала ни денег на ребенка, ни каких-либо алиментов от Ганса Герхарда Фишера, только 20-долларовые чеки – не такая уж маленькая сумма по тем временам – приходившие спорадически, но иногда и еженедельно, от

Поля Неменьи – физика, как и Герхард Фишер. Неменьи был другом, с которым Регина встретилась, будучи еще студенткой университета Колорадо, Денвер, а затем вновь с ним соединилась в Чикаго. Возможно, именно он и есть биологический отец Фишера. Отцовство так точно и не было установлено. Регина не только отрицала отцовство Неменьи, но и письменно сообщила социальному работнику, что ездила в Мехико в 1942 году к своему экс-мужу Гансу Герхарду, и что Бобби был зачат именно во время их randevu. Но один дальний родственник Бобби высказал предположение, что причина, по которой Регина записала Ганса Герхарда в качестве отца Бобби в сертификат о рождении, состояла в том, что она не хотела, чтобы его считали незаконнорожденным. «*Очень* похоже, что отец именно Поль Неменьи», – считает этот родственник. Не исключено, впрочем, что Регина могла и не знать, кто на самом деле отец Фишера, если она имела связь с Неменьи примерно в то же время, когда состоялся ее мексиканский вояж к Герхарду Фишеру.

В своих попытках найти какого-нибудь мальчика, с кем бы мог играть Бобби, Регина написала шахматному редактору «Бруклин Игл», – не знают ли в редакции других 7-летних игроков. Она называла сына «мое маленькое шахматное чудо». Редактор Герман Хелмс, пожилой шахматный мастер довольно высокого уровня, в своем ответе предложил ей привести Бобби вечером в январский четверг 1951 года

в библиотеку на Гранд-Арми-Плаза, где он сможет участвовать в сеансе одновременной игры, проводимом шахматными мастерами.

Обычно сеанс дает *один* мастер, который переходит от доски к доске, сражаясь одновременно с несколькими соперниками. Доски располагаются по сторонам квадрата или подковы. Когда мастер подходит к доске, соперник делает ход, и мастер отвечает, после чего быстро переходит к другой доске.

Бобби в сопровождении Регины вошел в ротонду с высоким потолком библиотеки Гранд-Арми-Плаза, и был поражен увиденным. По периметру комнаты были разложены запечатые в стеклянные ящички исторические шахматные комплекты в необычном исполнении, занятые библиотекой у собирателей специально для этого события. В ящичках находились также шахматные книги и древняя рукопись на немецком языке. Присутствовал набор фигур, источником вдохновения для которых послужили иллюстрации Тенниела к «Алисе в стране чудес»; два комплекта поступили из лагеря для перемещенных лиц, один резной работы, другой был сплетен из соломы; на изготовление каждого потребовалось более пятисот часов работы; один комплект пришел из Гватемалы и напоминал об архитектуре Нового света доиспанского периода. Всё это могло очаровать обычного посетителя, но Бобби пришел сюда не для созерцания шахматных комплектов. «Они меня не слишком заинтересовали», –

вспоминал Бобби. Он пришел играть.

В тот вечер мастера выступали по очереди: примерно час сеанс вел один, затем его сменял другой. Когда Бобби сел за столик со своим новым комплектом, подошедшим мастером оказался Макс Павей, 32-летний радиолог – чемпион и Шотландии, и штата Нью-Йорк, находившийся на пике формы. Павей стал первым мастером, с которым довелось сыграть Бобби. Вполне возможно, что это вообще была первая серьезная его партия против подготовленного шахматиста. Дальнейшее можно сравнить с ситуацией, когда 7-летнего ребенка, привыкшего играть в теннис с ровесниками, вывели на корт против Джона Маккинроя.

Толпа зрителей собралась у столика, за которым играл миниатюрный Бобби против уверенного в себе Макса Павея в твидовом жилете. Мальчик играл с таким серьезным видом, что к столику подтягивались всё новые зрители. Он стоял на стуле на коленях, чтобы видеть расположение всех фигур.

Бобби вспомнился его опыт решения головоломок. Он не должен торопиться с ходами, решение сразу не найти, нужно время, время, время... Павей, который как рыба в воде чувствовал себя при темповой игре – недавно он завоевал титул чемпиона США по «быстрым» шахматам – как-то очень легко и плавно перемещался по залу, едва останавливаясь у других досок, чтобы сделать ход, и возвращался к столику Бобби настолько быстро, что мальчик не успевал посчитать варианты так далеко и точно, как ему хотелось. Этим вече-

ром было всего восемь участников сеанса, что затрудняло каждому из них и так непростую задачу борьбы с мастером – при большем их числе Павей перемещался бы от доски к доске не так стремительно.

Мастер был слишком силен. Через пятнадцать минут он, попыхивая трубкой, захватил ферзя Бобби, что закончило партию. Он любезно протянул мальчику руку и с мягкой улыбкой произнес: «Хорошая партия». Бобби еще несколько мгновений не мог оторвать глаз от доски. «Он меня уничтожил», – произнес он, не обращаясь ни к кому в частности, и заплакал.

Несмотря на свою феноменальную память Бобби, будучи взрослым человеком, не мог вспомнить ходы этой партии. Замечание его друга о том, что, быть может, Бобби надеялся выиграть свою первую партию против мастера, вызвало резкую реакцию: «Конечно, нет!» Он сказал, что Павей, вероятно, «отдыхал» на партии с ним, и его, скорее всего, позабавило, что малыш сумел продержаться против него целых пятнадцать минут. А слезы на его глазах говорили лишь о том, насколько серьезно Бобби относился к шахматам уже в то время. Даже в возрасте семи лет он не относился к себе, как к любителю. Позднее он признавал, что партия очень сильно его мотивировала.

Одним из зрителей на том сеансе был Кармайн Нигро, невысокий, лысый мужчина чуть старше сорока лет; Бобби охарактеризовал его как «очень живого».

Нигро внимательно наблюдал за партией Павей-Фишер. Ему нравились ходы Бобби. Они были не блестящими, но вполне разумными, особенно для новичка. Концентрация Бобби, казалось, защищала его от любых внешних помех. Когда партия закончилась, Нигро подошел к Бобби с Региной и представился в качестве новоизбранного президента бруклинского шахматного клуба. Он предложил Бобби посещать клуб вечерами по вторникам и пятницам. Нет, никаких взносов от мальчика не потребуется, уверил Нигро Регину. Она отвела его в клуб, который располагался в здании бруклинской Академии музыки, уже следующим вечером.

Глава 2

Одержимость детства

Когда январским вечером 1951 года семилетний Бобби в сопровождении своей матери впервые возник в дверях Бруклинского шахматного клуба, то представлял собой явную аномалию. Он стал первым ребенком, кому позволили переступить его порог. Даже появление Регины Фишер было необычным: женщины в клуб не принимались – в то время его членами являлись только мужчины, что было характерным для большинства клубов США.

Как новый президент клуба, Кармайн Нигро объявил, что Бобби – его гость, принимать которого нужно как члена клуба. Никто не решился возражать. Во многих шахматных клубах, и не только в США, детей традиционно не хотели слышать, не говоря о том, чтобы видеть. Даже Эмануила Ласкера, ставшего впоследствии чемпионом мира по шахматам, ребенком в Германии не приняли в члены местного клуба, несмотря на его очевидный талант.

Бруклинский шахматный клуб, основанный сразу после гражданской войны, был в стране одним из самых престижных. Он располагался в роскошном здании бруклинской

Академии музыки, [где пели Энрике Карузо и Джеральдина Фаррар](#). Клуб достойно соревновался каждый год в шахматной лиге Метрополии, часто побеждая в соперничестве с дюжиной клубов штата Нью-Йорк. Тем не менее, Бобби не испытывал робости в компании склонившихся над своими досками адептов игры, над которыми витали клубы сигарного дыма.

В комнате стояла тишина, нарушаемая редким стуком фигуры, в сердцах ударяемой о доску. По окончании партии соперник мог спросить: «Если бы я пошел ладьей, а не слоном, как бы вы сыграли?» или недовольно пробормотать: «Я не увидел матовую комбинацию. Вам повезло уползти на ничью». Но всегда тон был приглушен, даже если говорящий испытывал раздражение. Бобби смотрел на это в удивлении, частично понимая жаргон и пытаясь домыслить остальное.

Проблема, с которой столкнулся Бобби тем же вечером, произрастала в головах его потенциальных противников. Никто из клубных ветеранов не горел желанием играть с мальчиком, тем более что Бобби выглядел лет на пять. Волна нервных и раздраженных смешков прошелестела под высокими потолками в ответ на предложение «дать Бобби шанс». Основой служила мысль: *«Ладно, если я проиграю равному, но если меня обыграет семилетка? Как можно! Это погубит мою репутацию!»* [Но уговоры Нигро возымели](#) свое действие, несколько игроков смягчились и согласились сыграть с ним одну-две партии.

Большинство были искушенными турнирными бойцами, по уровню некоторые даже не уступали Павею. Но, как выяснилось, опасались они зря – Бобби проиграл все партии.

Несмотря на поражения, Бобби продолжал посещать клуб. Он стал преданным членом клуба и, в какой-то мере, его изюминкой. Противостояние мальчика в сражении умов с судьей, доктором или профессором, которые были старше его в 8-10 раз, всё чаще принималось хоть и с удивлением, но с добрыми улыбками. «Поначалу я проигрывал всем подряд, и мне это не нравилось», – рассказывал Бобби впоследствии. Победители поддразнивали его немилосердно. «Рыба!», – дразнили они мальчика, используя насмешливый термин, которым назывался безнадежно слабый игрок в шахматы всякий раз, когда Бобби допускал промах. Эпитет казался еще обиднее ввиду сходства с его фамилией⁴. Бобби очень не любил это слово. Позднее он сам использовал для обозначения слабого игрока слова «слабак», или менее принятые «чудик» и «кролик».

Нигро, опытный шахматист почти мастерского уровня, почувствовал потенциал мальчика, и, понимая, что у него нет отца, занял в его отношении менторскую позицию. Он стал для Бобби учителем и приглашал его по воскресеньям к себе домой, где ему составлял компанию его сын Томми, который был чуть моложе Бобби, но играл сильнее. Томми не имел ничего против игры в шахматы с Бобби, но слушать

⁴ Рыба – произносится фиш, а фамилия, соответственно, Фишер.

лекции отца желанием не горел. В дни шахматных уроков Нигро значительно увеличивал содержание сыну, если тот проявлял усидчивость при изучении премудростей шахматной тактики.

Как только Бобби освоил основы шахмат, Нигро перешел к изложению возможных способов ведения начальной стадии партии, известной под названием дебют, первые ходы которого могут определить результат партии или сильно на него повлиять. Эти начальные ходы и «варианты» следуют по проторенным путям, освященным вековым опытом, и шахматистам, желающим усилить свою игру, нужно стараться их понять и запомнить. Поскольку таких вариантов неисчислимое множество, для большинства игроков трудно освоить даже маленькую их часть. Например, после того, как игроки сделали по ходу, возможно 400 разных позиций, а после двух ходов таких позиций уже 72.084 – не все, впрочем, хорошие. Но Бобби с энергией приступил к решению устрашающей задачи по изучению основных продолжений. Вспоминая упорные штудии того времени, он говорил: «М-р Нигро был, вероятно, не самым сильным шахматистом в мире, но он был очень хорошим учителем. Встреча с ним оказалась, возможно, решающим фактором в моем продвижении вперед».

У Нигро не было проблем с обучением Бобби. Мальчик сторал от нетерпения в ожидании очередного еженедельного урока и довольно скоро начал обыгрывать Томми. «Я посещал дом м-ра Нигро по субботам, – писал впоследствии

Бобби, – а также встречался с ним по пятницам в клубе. Моя мама часто дежурила по выходным на работе в качестве сиделки, и с радостью меня отпускала [в дом м-ра Нигро]».

В 1952 году, когда ему еще не исполнилось девяти лет, Бобби впервые сыграл в соревновательные шахматы. Группа, состоящая из протеже Нигро, победила в первом матче со счетом 5:3; счет второго матча потерян и забыт. Бобби выиграл свою первую партию и свел вничью вторую против 10-летнего Раймонда Суссмана, сына дантиста, д-ра Харольда Суссмана, национального мастера из Бруклина. Д-р Суссман также был фотографом-любителем и сделал несколько фотографий Бобби, ставших каноническими годы спустя. Кроме того, Суссман стал дантистом и для Бобби. «Зубастый малый», – вспоминал Суссман.

Тем летом и осенью Бобби много играл с 70-летним кузеном деда Якобом Шонбергом, жившим в Бруклине. Регина брала сына с собой, когда ухаживала за Шонбергом, и Бобби играл с сидевшим в постели старым человеком. Годы спустя Бобби уже не мог вспомнить, в какую силу тот играл, и сколько партий они сыграли между собой, но даже по изменению интонации было понятно, что общение с Шонбергом ему запомнилось, и не столько партиями, сколько общением с родственником, хотя бы и дальним. Такие семейные встречи были обрядом, слишком редким в жизни Бобби.

Кармайн Нигро был профессиональным музыкантом и учил музыке различных стилей. Поскольку Бобби словно

губка впитывал в себя все тонкости шахмат, Нигро попытался пробудить в нем интерес к музыке, и так как у Бобби не было пианино, Нигро стал давать ему уроки игры на аккордеоне, снабдив мальчика довольно потрепанным «12-басовым» инструментом, чтобы он мог практиковаться дома. Вскоре Бобби уже исполнял «Beer Barrel Polka» и другие мелодии, и почувствовал себя достаточно опытным, чтобы выступить на нескольких школьных концертах. Через год, впрочем, он заключил, что количество времени, затрачиваемое им на изучение игры на аккордеоне, мешает шахматным занятиям. «Я достиг неплохих успехов», – вспоминал Бобби, – но шахматы меня привлекали больше и аккордеон получил отставку».

До того, как ему исполнилось десять лет, время Бобби проводил довольно однообразно: каждую пятницу вечером он посещал Бруклинский шахматный клуб, Регина сидела где-то поблизости, читая книгу или делая домашнее задание, полученное в школе медсестер. В субботу утром Нигро забирал его в машину и – если Томми Нигро не хотел играть, что было чаще – отвозил Бобби в Вашингтон-сквер-парк в районе Гринвич-виллидж, где мальчик мог найти себе партнеров и поиграть за столиком на свежем воздухе. Нигро видел перед собой и другую задачу: поначалу Бобби долго думал над ходами, что не нравилось его взрослым соперникам в парке. Нигро понимал, что их терпение безгранично, и потому он поработал над ускорением его игры, а, стало быть,

и мышления.

Чтобы стать соперником, с которым нужно считаться, после [школы Бобби проводил многие часы в библиотеке на Гранд-Арми-Плаза](#), поглощая все книги на шахматные темы, имеющиеся на ее полках. Он стал ярым завсегдатаем библиотеки, и выказывал такую настойчивость в изучении книжной премудрости, что [его фотография за чтением книги появилась в библиотечном бюллетене за 1952 год](#) с подписью, в которой указывалась его фамилия. Так впервые фотография Бобби появилась в печати. Через несколько месяцев он обнаружил, что может следовать течению партий с помощью диаграмм без доски. Если варианты были слишком сложными или длинными, он брал книгу домой, расставлял на доске фигуры и разыгрывал партии мастеров прошлого, пытаясь понять и запомнить, как они выигрывали – или проигрывали.

Бобби читал шахматные книги и за едой, и в постели. Он ставил доску на стул рядом с кроватью и последнее, что он делал перед тем, как уснуть, и первое сразу после пробуждения, был взгляд на интересующую его позицию. Так много сэндвичей с арахисовым маслом, чашек молока с хлопьями, тарелок спагетти были съедены Бобби во время разыгрывания и анализа партий, что крошки и остатки еды буквально въелись в зубы башен его ладей, надкрестья королей, короны ферзей и складки митр слонов. И эти остатки никогда оттуда не вычищались. [Годы спустя, когда собира-](#)

тель шахмат, заполучивший этот замусоренный комплект, вычистил его, реакция Бобби оказалась предсказуемо негодующей: «Вы его испортили!»

Он не оставлял шахмат, даже когда принимал ванну. У Фишерова не было душа, только ванна, и заставить Бобби, как и многих его сверстников, принимать ванну хотя бы раз в неделю удавалось лишь с немалыми трудами. Регина – и это стало ритуалом – каждое воскресенье вечером наливала ему ванну, в которую его приходилось относить едва ли не на руках. Когда он оказывался в воде, Регина укладывала дверцу от сломанного шкафа поперек ванны, словно поднос, и затем приносила шахматы, чашку молока и ту книгу, которую Бобби изучал, помогая ему всё это расставить на доске. Бобби иногда не вылезал из воды часами, если его увлекала партия кого-то из великих игроков прошлого, и выбирался он из нее, красный как рак, лишь по настоянию Регины.

Нейроны мозга Бобби, казалось, напитывались пониманием того, что может и что не по силам каждой из фигур в самых разных позициях, запоминая информацию для будущего использования. Она сохранялась в памяти, в глубинах того раздела мозга, который отвечает за абстрактное мышление: информация о пешках и полях, выгодных для размещения этих пешек, взвешивалась и лишнее отбрасывалось – всё происходило в нужном ритме и синхронизировалось. Изучая партии мастеров прошлого и настоящего, Бобби учился у всех: интуитивному комбинированию – у Рудольфа Шпиль-

мана; накоплению маленьких преимуществ – у Вильгельма Стейница; почти мистической технике – у Хосе Рауля Капабланки, стремящегося уклоняться от осложнений; глубокому и красивому погружению в бездну неизвестности – у Александра Алехина. Как сказал о нем один мастер: «Бобби, в сущности, вдыхал шахматную литературу. Он помнил всё, и это становилось его частью». Мальчик – и затем мужчина – видел перед собой одну главную познавательную цель, хотя и никогда не выраженную им явно – Он хотел *понимать*.

Ему особенно нравились партии-миниатюры, короткие схватки не более двадцати ходов, они, как музыкальные упражнения – и предметы искусства в себе – имели одну главную идею.

Книги для начинающих, такие как «Приглашение к шахматам», и другие учебники были скоро отброшены, Бобби погрузился в книги для продвинутых – «Практические шахматные дебюты» и «Базовые шахматные окончания»; двухтомник «Мои лучшие партии» Александра Алехина, и только что вышедшую книгу «500 шахматных партий мастеров». Особенное впечатление на него произвел сборник «Партии Морфи», – великий американец демонстрировал гениальную тактическую изобретательность и следование трем главным принципам: быстрое развитие фигур, оккупация центральных полей и мобильность – необходимость вскрывать диагонали, горизонтали и вертикали. Бобби впитает эти уроки и будет им следовать на протяжении всей своей шахмат-

ной жизни. Однажды он скажет мастеру Шелби Лаймену, что прочитал тысячи шахматных книг, и из каждой сохранил лучшее.

Нужно добавить, что эти книги не так-то просто понять даже опытному шахматисту: их можно «пробить», если только читатель тверд в намерении погрузиться в абстракцию шахмат. И то, что 8–9-летнему мальчику хватило концентрации, чтобы их прочесть, само по себе необычно. А то, что ему удалось понять содержание и впитать прочитанное, – из области чудес. Позднее Бобби увеличит степень сложности, читая книги на разных языках.

В области школьного образования достижения Бобби носили хаотический характер. Если не считать летних лагерей, первые уроки он начал посещать в бруклинской еврейской школе для мальчиков, еще в детском саду, где его научили песням (без понимания смысла) для праздников Ханука и Пурим как на английском, так и на идиш (его он не знал). Он плохо сходился с другими мальчиками. Поначалу не мог понять смысла игры «Дрейдл» – четырехгранный волчок, с которым играли в дни Ханука. Ему не нравилось носить униформу – белую рубашку и наглаженные брюки. И в раздевалке он мог видеть, что его пенис не такой, как у других: не был обрезан. Через несколько недель Регина забрала его из школы. Хотя она была еврейкой, но религиозные обряды не соблюдала. Бобби не прошел обряд обрезания – обычно вы-

полняется на восьмой день рождения еврейского мальчика – [и впоследствии утверждал, что его не учили ни еврейским обычаям](#), ни теологии, и в детстве не водили в синагогу в религиозных целях. Быть может, он просто этого не помнил.

Попытки Регины и Джоан вовлечь Бобби в школьную работу обычно кончались ничем. [Бобби мог часами решать паззлы или заниматься шахматами](#), но начинал ерзать и суетиться, если ему предлагали читать, писать или решать арифметические задачи. Посещение бруклинской общественной школы также стало проблемой. Он был одиночкой и всегда отделялся от других детей, возможно, по причине крайней робости или боязни с кем-нибудь соревноваться. [К четвертому классу он сменил шесть школ](#) – практически по две в год – уходя всякий раз по причине плохой успеваемости или неспособности вынести учителей, товарищей или даже местоположение школы. [В полном огорчении Регина записала Бобби в школу для одаренных детей](#). Он продержался в ней один день и отказался туда возвращаться.

В конечном счете она нашла школу, подходящую для ее проблемного сына. [Осенью 1952 года Регина записала 9-летнего сына в бруклинскую прогрессивную начальную школу «Коммьюнити Вудворд»](#), в которой обучалось порядка 150 детей. Размещалась она в величественном здании из бурого песчаника, которое раньше было частным особняком, а теперь стало одним из самых красивых учебных заведений в бруклинском районе. [Философия образования в этой](#)

школе основывалась на принципах Иогана Генриха Песталоцци, швейцарского учителя XVIII века – противника зубрежки и строгой дисциплины, который считал, что нужно концентрироваться на развитии индивидуальности посредством новаторских методов. Школа продвигала концепцию *Anschauung*⁵, – развитие персонального взгляда на вещи, глубоко индивидуального и присущего каждому конкретному ребенку. Стулья и парты не стояли строго по местам, как в большинстве школ, и детей поощряли забывать разницу между обучением и игрой. При изучении ранней истории Америки, например, дети переодевались в костюмы той эпохи и их учили пряхь пряжу, ткать ковры и писать птичьим пером.

Но Бобби выбрал путь – шахматы, и всё, с ними связанное. Он уже обнаружил свой талант и был принят в «Коммьюнити Вудворд» с пониманием, что научит других учащихся шахматам, а также по причине его астрономически высокого IQ=180.

Ярким пятном его социального и физического развития в этой школе стал момент, когда Бобби приняли в бейсбольную команду, и он начал выбираться из защитной скорлупы. Он влюбился в игру, мог слышать рев толпы из расположенного неподалеку стадиона «Эббетс Филд», домашней арены для «Бруклин Доджерс», когда был в школе или дома, и даже вместе с классом иногда посещал игры. У него получались

⁵ Anschauung – Созерцание, наглядное представление. – (нем).

перемещения по площадке и подача, но хотя бегал он быстро, для роли раннера на базе ему не хватало координации. «Он подогрел интерес к шахматам в нашей школе», – позднее говорил один из учителей. «Он легко обыгрывал любого, включая шахматистов факультета. Не важно, во что он играл – будь это бейсбол или теннис – ему важно было быть первым. Если бы он родился рядом с бассейном, стал бы чемпионом по плаванию. Но так уж получилось, что под рукой оказались шахматы».

Однажды Бобби взлетел по трем пролетам лестницы в безопасность своего дома только для того, чтобы никого там не найти. Джоан еще не вернулась из школы, оставшись в Биологическом клубе; Регина была на курсах, затем ей предстояло чтение в библиотеке, а после – ночная смена. Он нашел записку на стуле в кухне, написанную на листке книжки синего цвета «на пружинках»:

Дорогой Бобби – съешь суп и рисовую кашу. Молоко в холодильнике. Я буду после 3-х, заброшу продукты и вернусь на курсы. Люблю, М.

Оставаться одному для Бобби было привычным делом с тех пор, как Регина почувствовала, что может оставлять его без надзора, и это постоянное одиночество послужило катализатором для еще более глубокого погружения в шахматы. Когда он сидел с раскрытой шахматной книгой, часто – за кухонным столом, на котором стояла шахматная доска, фи-

гуры становились его друзьями, а книга – учителем. Но ни одиночество, ни учение не давались ему легко. Он хотел бы иметь друга, другого мальчика, с кем можно было бы играть и делить приключения, но, так как шахматы уже занимали большую часть его времени, интересов и мыслей, гипотетический друг должен был не только уметь играть в шахматы, но играть достаточно хорошо.

Какая-то сила заставляла Бобби изучать секреты шахматной доски, и это занятие приковывало его внимание на многие часы. Он радовался, когда блеск зимнего солнца переставал отбрасывать ломаные тени на стены кухни, они мешали ему думать. Когда сестра Джоан или мама Джинни – как ее звали друзья – возвращались вечером домой, в сумраке они иногда видели Бобби, который не озаботился включить свет, сидящим за шахматной доской, весь в мыслях о тактике и стратегии.

Но хотя Регина понимала, что Бобби уже достаточно самостоятелен, ее беспокоило, что он так подолгу остается дома один. Она решила найти ему кого-то вроде сиделки, кто мог бы составить ему компанию. Но проблема заключалась в деньгах: даже символическую плату изыскать было трудно. Поэтому она поместила следующее объявление в газете кампуса бруклинского колледжа, который располагался по соседству с их домом:

Требуется сиделка для мальчика 8,5 лет. Вечерами, иногда на уик-энды, в обмен на комнату, кухонные привилегии.

Sterling 3-4110 7 до 9 вечера.

Ответил молодой студент-математик – он даже умел играть в шахматы – но по неизвестным причинам от работы он отказался. Бобби оставался один.

В отличие от Джоан Бобби, казалось, мало интересовался школой, а если Регина хотела помочь ему с уроками, он обычно коротко ей отказывал и возвращался к своим шахматам. Ей было нелегко противостоять его дерзости: «Я хочу играть в *шахматы!*», – безапелляционным тоном заявлял он, словно крон-принц говорил со слугой. И возвращался к своей шахматной доске, не спрашивая разрешения у матери и оставляя уроки без внимания.

Но нельзя сказать, что Бобби относился без уважения к трудолюбию матери и сестры. Скорее, он был готов приложить все свои силы для совершенствования в другом: а именно, в шахматах. Дела обстояли так, что ему более важным казалось научиться выигрывать с ладьей и пешкой, чем узнавать что-либо о трех ветвях власти, или где находится десятичная точка при делении столбиком. Трое Фишеров, образцовые школяры талмудического толка, всегда учились: Джоан – по своим книгам, Регина – по медицинским учебникам, и Бобби – по последним журнальным шахматным статьям. В доме по временам было тихо, как в библиотеке.

Один из немногих нешахматных интересов Бобби неожиданно обозначился летом 1951 года, когда ему было 8 лет. Регина послала его в школу Вендервеера, дневной лагерь для

детей в Бруклине. Несмотря на название, школа принимала детей более старшего возраста в свой летний лагерь, и по их программе Бобби предоставили место по окончании учебного года. Либо Регина, либо Джоан отводили его туда утром и забирали после полудня. Бобби намеревался возненавидеть школу – или, по крайней мере, невзлюбить – но неожиданно ему понравились многие подвижные игры, которые там предлагались. Главное удовольствие доставил большой открытый бассейн, где он научился плавать.

С тех пор каждое лето, когда он был в одном из лагерей, и во время, свободное от шахмат, [Бобби тренировался в плавании, проходя различные тесты «Красного Креста»](#) по плаванию. Он легко сдал на пловца «среднего» уровня, а затем и «продвинутого». Настоящая «Рыба», он любил воду, особенно, если плавание означало соревнование с другими детьми. Обладая скоростью, решительностью и отличной реакцией, Бобби входил в воду в момент, когда тренер давал свисток, в то время как другие находились еще в полете. Плавание позволяло ему двигаться и разгонять кровь по мышцам, освобождать их от зажима, вызванного неподвижным сидением за шахматной доской или с книгой. Он получал удовольствие от движения сквозь стихию воды, и ему нравился соревновательный дух сам по себе, не важно, касалось это плавания или шахмат. Казалось, кроме шахмат и плавания ему ничто больше не доставляло удовольствия.

Регина начала бояться за будущее Бобби, который не

слишком обременял себя учебой, и ее беспокоило, что его увлечение шахматами становится всепоглощающим. Ей казалось, шахматы заворожили его так, что он всегда находился в некотором отстранении от окружающей его жизни; он настолько «заразился» игрой, что не сможет – не может – контролировать это увлечение, и что, в конечном счете, из-за исключения из своей жизни всего остального этот случайный интерес разрушит его жизнь.

Обсуждать с Нигро чрезмерное увлечение Бобби шахматами оказалось пустым делом. Тот лишь еще настойчивее советовал Бобби играть в них больше, изучать их упорнее и участвовать в соревнованиях чаще. Бобби стал протееже Нигро, его шахматным компаньоном. Он понимал, что у Регины туго с финансами, и потому никогда не заводил речь об оплате своих уроков, касались ли они музыки или шахмат. Нигро с Бобби стал играть с временным контролем по два часа каждому – обычный турнирный регламент – и после каждой партии Бобби, казалось, становился сильнее, что побуждало его изучать игру еще настойчивее, пока он не стал обыгрывать Нигро в большинстве партий.

К немалому испугу Бобби, Регина настояла на том, чтобы он прошел психологические тесты с целью определить, нужно ли – или вообще возможно – как-то ослабить его всепоглощающую страсть к игре. Когда она повела мальчика к д-ру Харольду Клайну в отделение детской психиатрии бруклинской еврейской больницы, Бобби всем своим видом

выражал неудовольствие. Д-р Клайн, заметивший это сразу, не стал нагружать его комплектом тестов для определения личностных качеств, интеллекта и интересов, обычно применяемых в таких случаях. Он просто постарался разговаривать мальчика. «Не знаю», – угрюмо ответил Бобби, когда его спросили, почему он так много времени уделяет шахматам в ущерб школьным занятиям. – «Мне просто хочется». После простого совета Бобби не пренебрегать занятиями в школе, его попросили погулять немного. Д-р Клайн сказал Регине, чтобы она не беспокоилась относительно Бобби, что детей часто заинтриговывают, буквально захватывают игры, игрушки, спорт и другие вещи, и что по истечении некоторого времени они либо теряют интерес к ним, либо отступают в сторону. Нет, он не думает, что Бобби – невротик, и он не рекомендует терапию. «Невротик» – это слово, по сути ничего не объясняет, добавил доктор, указывая, что Бобби не вредит ни себе, ни окружающим, шахматы, вероятно, просто напрягают его мозги, и ему надо разрешать играть в них, сколько он захочет. Нелюбовь к школе – это мелкое расстройство, через которое проходят многие дети, но изучение шахмат, как интеллектуальное занятие, ее замещает. Возможно, предположил он, ей нужно строить некоторые из домашних заданий Бобби в игровой форме.

Не успокоенная полностью, Регина решила поискать другого специалиста. Она узнала о психиатре и одновременно шахматном мастере д-ре Ариэле Менгарини – неаналити-

ческом нейропсихиатре, работавшем на правительство. Он страстно любил шахматы и был не меньшим их фанатиком, чем Бобби. Он признался Регине в своем фанатизме к игре и добавил еще то, чего ей совсем не хотелось слышать: «Я сказал ей, что есть гораздо более плохие вещи, которыми способен увлечься человек, и что ей следует позволить сыну искать собственный путь в жизни».

Мало-помалу успехи Бобби в бруклинском клубе росли. Прошло несколько трудных, иногда удручающих лет, но в итоге он стал выигрывать большинство партий. Но и его партнеров впечатлили упорство и рост результатов Бобби. «Я прочел почти все шахматные книги в публичной библиотеке, расположенной по соседству, и хотел иметь собственные книги», – вспоминал Бобби, обращаясь к тому периоду. Нигро давал ему книги на время или навсегда, Регина иногда позволяла ему их покупать, если у нее появлялись свободные деньги. Карманные деньги Бобби – 32 цента в день – не давали ему особых возможностей покупать книги, и даже когда он стал старше и его «содержание» выросло до 40 и даже 60 центов, деньги расходовались на молочный шоколад и сладости после школы.

По прочтении очередных, полученных им, номеров «Чесс Ревью» и «Чесс Лайф» Нигро отдавал их Бобби, которому очень нравились эти журналы и не только из-за большого числа интересных и поучительных партий с примечаниями, но и поскольку в них имелись материалы о великих чемпи-

онах. Эти журналы были неким шахматным эквивалентом жизнеописаний римских цезарей Плутарха или художников Вазари. Говоря коротко, они его вдохновляли.

Летом 1954 года у Бобби появился шанс увидеть некоторых из великих, о которых он пока лишь читал – советская команда впервые ступила на американскую землю.

В ту эру антикоммунистической истерии, когда в США каждый, кто читал «Капитал» К. Маркса или носил красный галстук, считался коммунистом, президент американской шахматной федерации Гарольд М. Филлипс, юрист, защищавший Мортела Собелла⁶ в деле о шпионаже Розенбергов⁷, сообщил едва ли не с гордостью, что [ожидает вызова в комиссию сенатора Маккарти](#) (по расследованию анти-американской деятельности) на слушания по обвинению в коммунизме просто потому, что послал шахматное приглашение советской команде. Но до этого, всё же, не дошло.

Важно подчеркнуть одно важное отличие, существовавшее на тот момент между советской и американской командами. Все советские были не просто профессиональными игроками, но и гроссмейстерами – звание, которым награждались сильнейшие мастера, отличившиеся в международных соревнованиях. Царь Николай II «изобрел» этот титул в 1914

⁶ Мортел Собелл – американский инженер и советский разведчик. Был признан виновным в шпионаже в пользу Советского Союза.

⁷ Юлиус Розенберг и его жена Этель – амер. коммунисты, по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза казнены в 1953 г.

году; он применялся в 1954 году, в ходу он и сегодня.

Советские игроки получали субсидии от государства, часто их обеспечивали дачами, где они могли изучать шахматы и готовиться к матчам. В те времена в советском обществе гроссмейстеры обладали тем же престижем, что и звезды кино или олимпийцы в современной Америке. Когда Михаил Ботвинник, ставший чемпионом мира, появился в Большом театре, поднявшийся зал устроил ему овацию. В середине 50-х Советская Шахматная Федерация насчитывала четыре миллиона членов, и игра не только входила в обязательное школьное образование, но ею заставляли заниматься и после окончания уроков. Молодые люди, обладавшие талантом, получали специальное образование, часто занимаясь один-на-один с гроссмейстерами, которым поручали воспитывать молодое поколение завоевателей мирового господства. В одном советском турнире однажды участвовало семьсот тысяч игроков. В СССР шахматы рассматривались не только в аспекте национальной политики. Они глубоко проникли в культуру и казалось, что все – мужчины, женщины и дети, колхозники, служащие и врачи – все играли в шахматы. Поэтому намеченное противостояние советской и американской команд имело своим фоном всю атрибутику Холодной войны.

За три дня до матча в редакционной статье «Нью-Йорк Таймс» было написано: «Стало до боли понятно, что русские привносят на шахматную доску весь свой жар, умение и про-

являют ту же преданность своему делу, что и Молотов на дипломатических конференциях. Они здесь для того, чтобы прославлять Советский Союз. Успех в этом деле для них означает признание на родине и пропаганду побед за рубежом». Шахматы являлись для советских не просто игрой; это была война, и не такая уж холодая, как могло показаться.

Шахматная Федерация США насчитывала в то время только три тысячи членов, не существовало никакой национальной программы по развитию шахмат или обучению им детей, и похвастаться она могла только одним гроссмейстером – Сэмюэлем Решевским. Его статус приносил ему 200 долларов в месяц – стипендия, которую ему выделили несколько восхищенных поклонников. В дополнение к этому он зарабатывал примерно 7.500 в год, читая лекции и давая сеансы. Бродил ложный слух, что дома у него не было даже шахматного комплекта.

Во многих отношениях приближавшийся матч напоминал ситуацию, при которой звезды НБА играли бы против студенческой команды. Возможность того, что студенты могут выиграть, исключить нельзя, но статистически их шансы заметно ниже, чем один из тысячи.

В среду 16 июня Бобби, надевший рубашку поло с короткими рукавами, прибыл в отель «Рузвельт» в сопровождении Нигро, чтобы присутствовать на первом раунде исторического матча. Мальчик впервые был в каком-либо вообще отеле, он посмотрел на большие часы над лестницей, затем

увидел знакомые лица некоторых из тех, кто входил в Большой бальный Зал. Он узнал членов бруклинского шахматного клуба и нескольких завсегдатаев Центрального парка Вашингтона. Бобби занял свое место в аудитории, словно он присутствовал на церемонии вручения наград Академии, «сканируя» сцену «широко открытыми от любопытства глазами», – как выразился Нигро.

На сцене, на фоне бархатного занавеса, висели два флага: американский звездно-полосатый и зловеще-алый советский с серпом и молотом. Под ними, во всю ширину сцены, располагались восемь демонстрационных досок, на которых должны будут показываться для зрителей ходы в партиях. Восемь столиков с шахматными фигурами и досками были подготовлены для противников. В зале присутствовало около 1100 зрителей – самая большая аудитория в истории шахматной Америки.

Собравшиеся на сцене игроки ожидали сигнала судьи, чтобы занять свои места и начать игру. Советский шахматист Давид Бронштейн попросил стакан лимонного сока – нет, не лимонада, а настоящего лимонного сока, настаивал он – который и выпил, как показалось, залпом. Американцы заметно нервничали, чему не стоило удивляться: помимо двух предыдущих поражений, не дававших оснований надеяться на успех в этом матче, они могли вспомнить о недавнем разгроме советскими аргентинской команды в Буэнос-Айресе и французской в Париже. Дональд Бирн, по-

бедитель открытого чемпионата США, рассказывал, что он так нервничал накануне, что весь день перед матчем старался выбросить его из головы, для чего читал романтическую прозу Натаниэла Готторна.

Наконец, после обязательных слов о том, что шахматный матч служит вкладом в дело разрядки между СССР и США, игра началась. Нигро отметил не без лестной для себя гордости, что его протеже неотступно смотрел на сцену, впитывая все детали происходящего.

Понимал ли Бобби всю политическую подоплеку матча? Вздыхалось ли чувство патриотизма у него в груди, и желал ли он победы всем сердцем своей команде? Хотел ли он – или мечтал – когда-нибудь взойти на такую сцену участником матча против лучших игроков планеты? Он никогда не упоминал об этом матче, но вероятнее всего, что ответом, во всяком случае, на второй вопрос, будет «да».

Помимо самих партий, за которыми Бобби следил безотрывно, он примечал и другие вещи: любители шахмат собирались в коридорах и комнатах отеля, где они обсуждали и анализировали партии; шахматные книги и портативные шахматы для экспресс-анализа; зрители покидавшие свои места лишь на короткое время, чтобы купить бутерброд с тунцом или ветчиной и сыром у стойки в небольшом холле. Когда в зале Бобби заметил Ройбена Файна, возможно, второго по силе игрока в США, он заволновался, поскольку шахматные книги Файна были для него своего рода библией.

Д-р Файн не играл за команду США, – он отошел от шахмат в 1948 году. Но на сцене присутствовал д-р Макс Павей – тот самый, с кем играл Бобби в сеансе три года назад – готовый играть за свою страну.

Когда Нигро представил своего протеже писателю Мюррею Шумаху из «Нью-Йорк Таймс», Бобби заробел и лишь смотрел на свои ботинки. Аллен Кауфман, шахматный мастер, также впервые встретил Бобби в этот день и через полвека вспоминал: «Он показался мне приятным малым, несколько стеснительным. Тогда мне и в голову прийти не могло, что я разговариваю с будущим чемпионом мира». На следующий день Шумах написал в юмористическом ключе о собравшихся на матч: «Шахматные зрители напоминают ботельщиков “Доджер” с ларингитом – мужчины буйного нрава, но с приглушенными голосами».

Ну, не *совсем* уж приглушенными. По мере того, как позиции усложнялись, зрители, многие из которых отслеживали происходящее на карманных шахматах или кожаных шахматах-книжках, начали шепотом обсуждать варианты. Кумулятивный эффект был таков, что общий звуковой фон начал напоминать шум осенней непогоды. Временами, когда на доске начиналась сомнительная или сложная комбинация, или когда миниатюрный Решевский тратил час и десять минут на *один* ход, двадцать две сотни бровей, казалось, поднимались в унисон. Если шум становился слишком сильным, Ганс Кмох, ультра-формальный судья с галстуком-ба-

бочкой, сердито смотрел в зал и строгим тоном с голландским акцентом произносил: «Quiet, please! (Пожалуйста, тише!)». Принимая упрек, зрители смущенно замолкали, и в зале несколько минут царил тишина.

Бобби получал явное удовольствие от общей атмосферы, и держал в руках таблицу, словно он находился на «Эббетс Филд». 11-летний мальчик аккуратно заносил в нее результат каждой партии: ноль за поражение, единицу за победу и половинку за ничью. Он посетил все четыре раунда, не догадываясь, что всего лишь через несколько лет будет сидеть напротив – в турнирах или матчах на разных континентах – четырнадцати из этих шестнадцати игроков из США и СССР, составлявших элиту мировых шахмат.

Бобби доставляло удовольствие не только следить за партиями, ему нравилась и комната для анализов. Там, вдали от ушей соревнующихся, сильнейшие мастера обсуждали и глубоко анализировали каждую партию, ход за ходом. Бобби не чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы высказывать свое мнение по поводу того, как тому или иному шахматисту стоило (или не стоило) играть, но он был очень доволен, что ему удавалось предсказывать некоторые ходы до того, как они были сделаны, и он мог понять, почему было сыграно так, а не иначе.

После четырех дней определилось унизительное для США поражение со счетом 12:20. По окончании действия аплодисменты американской аудитории прозвучали искрен-

не и уважительно, но в кулуарах слышались горестные причитания многих американских шахматистов: «Что не так с американскими шахматами?» Редакционная статья в «Чесс Лайф» оплакивала поражение и объясняла его следующим образом: «Вновь в матче США – СССР мы видим доказательство того, что одаренный любитель редко – или никогда – бывает способен противостоять профессионалу. Не важно, насколько он талантлив от природы, любителю недостает точности, временами brutальной

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.